
18+
Разведёнка
с прицепом
18+

Анна Тихонова
Разведёнка с прицепом

https://litres.ru/74742527
SelfPub; 2026

Аннотация

Вере тридцать шесть. За плечами брак с «не таким, как все» мужчиной, на руках дочь, ипотека и сайт знакомств, где один кавалер делит счёт до куска хлеба, а другой оценивает её «ликвидность на рынке». Разведёнка с прицепом, что тут скажешь.

Когда на работе сокращают ставку, Вере предлагают частные занятия за городом. Девятилетний мальчик уже два года не произносит ни слова. Его отца, Арсения Громова, весь город считает чудовищем: об этом каждый вечер плачет в эфире его бывшая жена, у которой четыреста тысяч подписчиков. Пятеро специалистов до Веры ушли через неделю и ничего не объяснили.

Вера привыкла слышать не слова, а то, что между ними, и чем дольше она сюда ездит, тем меньше верит тому, что видит на экране.

Только теперь в сторис снимают уже её саму.

История о женщине, которая перестала извиняться, о мужчине, который не умеет говорить, но умеет быть рядом, и о мальчике, чьё первое слово за два года меняет всё.

Содержание

Пролог 4
Глава 1. Тарелочница 8
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Анна Тихонова
Разведёнка с прицепом

Пролог

Эфир начался в 21:00, как всегда. Лика знала, что время решает всё: дети уложены, посуда помыта, мужья ушли в свои телефоны, и у женщин по всей стране наконец появляется сорок минут на себя. На чужую боль.

Она сидела в кадре без макияжа. Почти без. Тон, немного консилера под глаза — не чтобы скрыть синяки от бессонницы, а чтобы они стали чуть заметнее. Серый свитер с горлом, волосы собраны небрежно. За спиной — детская. Пустая кроватка, на подушке плюшевый заяц с оторванным ухом.

— Девочки, — сказала она и замолчала. Посмотрела в сторону, будто собиралась с силами. Счётчик зрителей полз вверх: шесть тысяч, восемь, двенадцать. — Сегодня ровно два года, как я не слышала голос своего сына.

Комментарии хлынули, как вода в пробоину.

держись родная

мы с тобой

какой же он урод

я бы этого Громова своими руками

— Мне опять отказали. — Лика подняла к камере лист с печатью. Ненадолго, чтобы никто не успел прочитать. — Суд. Снова. У него деньги, у него связи, у него весь город в кармане. А у меня только вы.

Она закрыла лицо ладонями. Плечи вздрогнули. Сорок три тысячи зрителей смотрели, как плачет мать, у которой отняли ребёнка.

сбор открыт? куда скинуть

ссылка в шапке профиля девочки

Матвейка, мама тебя любит, слышишь???

— Он не разговаривает, — сказала Лика глухо, сквозь пальцы. — Мой мальчик, который в три года читал стихи наизусть, — не разговаривает. Что надо сделать с ребёнком, чтобы он замолчал? Вы понимаете? Что этот человек с ним делает?

* * *

В сорока километрах от города, в доме, где светилось одно окно, мужчина смотрел этот эфир без звука.

Он сидел на кухне, в темноте, и лицо его подсвечивал экран планшета. Большой, тяжёлый, с короткой стрижкой и щетиной, которую давно надо было сбрить. На столе стоял остывший чай. Он так к нему и не притронулся.

Он видел, как она подносит к камере бумагу. Видел зайца на подушке. Этого зайца он сам выбросил два года назад вместе с остальными вещами из той квартиры. Видимо, не выбросил. Видимо, она купила нового и оторвала ему ухо.

Комментарии бежали снизу вверх. Он не читал их. Он знал их наизусть.

Когда Лика в третий раз произнесла его фамилию, он выключил планшет. Посидел ещё немного в темноте. Потом встал и пошёл наверх — тихо, ступая по краю ступенек, где они не скрипели.

Дверь в детскую была приоткрыта на ширину ладони. Так, как просил Матвей. Не словами — он не просил словами уже два года. Просто однажды ночью встал и сам открыл дверь вот так, на ладонь. И с тех пор она так и стояла.

Мальчик спал на боку, подтянув колени к груди. Девять лет, а спит, как маленький. Одеяло сбилось. Рядом на тумбочке лежали карандаши и альбом, закрытый, — Матвей никогда не оставлял его открытым.

Мужчина поправил одеяло. Сел на пол у кровати, спиной к стене. Вытянул ноги.

В кармане завибрировал телефон. Потом ещё раз. И ещё. Он не стал смотреть. Он знал, что там. Незнакомые номера, сообщения в мессенджерах, «урод», «тварь», «чтоб ты сдох», «верни ребёнка матери». После каждого её эфира — одно и то же. Утром он сменит сим-карту. В четвёртый раз за этот год.

Матвей пошевелился во сне и что-то пробормотал. Без слов. Просто звук.

Мужчина замер. Не дышал, пока сын не затих.

Потом откинул голову к стене, закрыл глаза и остался так

сидеть.

До утра.

Глава 1. Тарелочница

Виталий заказал стейк средней прожарки, бокал красного и салат с тёплой телятиной. Потом сложил меню, посмотрел на Веру и сказал с тёплой, почти отеческой улыбкой:

— А вам, наверное, воды? Вы же следите за фигурой, это видно.

Вера за фигурой не следила. За фигурой следила её жизнь: две ставки в реабилитационном центре, частные занятия по вечерам, первоклассница Соня и пеший маршрут до школы, потому что машину в разводе забрал Стас. Стас сказал, что ему нужнее: у него бизнес. Бизнес закрылся через три месяца. Машина осталась у него.

— Я бы взяла «Цезарь», — сказала она. — И чай.

Виталий чуть заметно помрачнел, но кивнул официанту. Дальше он рассказывал. Про свою фирму по установке кондиционеров, которую он называл «холдингом». Про бывшую, которая «высосала из него всё». Про современных женщин, которые хотят только денег, а сами ничего дать не могут. Про то, что мужчина после сорока — это товар в дефиците, а женщина после тридцати пяти, извините, наоборот.

Вера ела салат и кивала. У неё была профессиональная деформация: она умела слушать. Десять лет логопедом-дефектологом научили её слышать даже то, что не произносится. Виталий, например, не произносил «мне страшно и оди-

ноко». Он произносил «холдинг».

Когда принесли счёт, он накрыл его ладонью и придвинул к себе, и у Веры на секунду что-то тёплое шевельнулось в груди. Старомодное такое, дурацкое.

Виталий достал телефон, открыл калькулятор.

— Так. «Цезарь» — четыреста сорок. Чай — двести десять. Хлеб вы брали? Брали, я видел. Два кусочка из трёх, значит, сорок. Итого с вас шестьсот девяносто. Чаевые пополам или по долям?

Вера посмотрела на него. Он не шутил. Он смотрел на неё серьёзно и чуть с вызовом, как человек, который заранее знает, что сейчас его будут проверять на прочность, и готов стоять до конца.

— Я сразу скажу, чтобы не было недопонимания, — сказал он. — Я принципиально не кормлю тарелочниц. У нас равноправие? Равноправие. Вот и счёт равноправный.

Вера достала карту. Оплатила шестьсот девяносто. Потом, подумав, ещё сто сверху — официантке, девочке лет девятнадцати с усталыми глазами, которая всё слышала и стояла с терминалом, стараясь не засмеяться.

— Спасибо за вечер, Виталий, — сказала Вера. — Удачи холдингу.

* * *

— Сколько?! — Оксана поперхнулась кофе и закашлялась. — Хлеб посчитал? Два куска из трёх?

— Он видел, — сказала Вера. — Это важно. Он следил.

Оксана работала медсестрой в областной детской больнице, была дважды замужем, дважды разведена и относилась к мужчинам как к погоде: на них можно жаловаться, но изменить нельзя, так что бери зонт. Они сидели в кухне Вериной двушки, под висящими на батарее детскими колготками, и за стеной Соня смотрела мультик, сделав звук потише, чтобы слышать взрослых.

— Ладно, Виталий — один процент брака, — решила Оксана. — А тот, с четверга? Айтишник?

Айтишника звали Денис. С аватарки на сайте знакомств он улыбался на фоне гор и выглядел лет на тридцать. В жизни он тоже выглядел неплохо, только на сорок и без гор. Сидели в кофейне на Советской. Первые десять минут Вера даже не понимала, что происходит. Потом поняла: её собеседуют.

— Квартира ваша или съёмная?

— Ипотечная.

— Сколько осталось платить?

— Это на секцию плавания анкета или на кредит? — улыбнулась Вера.

Денис не улыбнулся.

— Я просто ценю время. Ребёнок от кого? Отец участвует?

— От мужа. Бывшего. Участвует, — Вера подумала, — в статистике.

— Значит, прицеп полностью на вас. — Денис кивнул,

будто сделал отметку в таблице. — Ну смотрите. Давайте честно, мы же взрослые люди. Вам тридцать шесть. Разведёнка с прицепом, ипотека, доход средний. Я не хочу обидеть. Я анализирую. На что вы рассчитываете на рынке?

Вера помолчала. В кофейне пахло корицей и мокрыми куртками. За соседним столиком две девчонки-студентки перестали смеяться и слушали.

— На рынке, — повторила она.

— Ну да. Я могу предложить вам отношения. Свободные. Без обязательств с моей стороны. Чужого ребёнка я тянуть не буду, сразу говорю. Но раз в неделю, если вам надо, заеду. Для женщины в вашей ситуации это нормальный вариант.

Вера допила капучино. Аккуратно поставила чашку на блюдце.

— Денис, а вам сколько?

— Сорок один. Но у мужчин это не играет роли.

— А живёте вы где?

Он запнулся. Всего на долю секунды, но Вера десять лет слушала запинки.

— С мамой. Пока. Это временно, я коплю на дом с нуля.

— Давно копите?

— Какая разница.

— Никакой, — согласилась Вера и встала. — Вы правы, Денис. На рынке все ликвидность оценивают. Вот я и оценила.

Уже у двери она услышала, как одна из студенток тихо

сказала другой: «А вдруг мы в сорок тоже…» И другая ответила: «Тьфу на тебя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.